

EX LIBRIS

Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции*

В. А. ТОМСИНОВ**

Уложение царя Алексея Михайловича рассматривается в исторической литературе, как правило, лишь в качестве памятника русского права. Между тем этот юридический свод выступает, помимо прочего, воплощением характерных для русского общества XVII в. особенностей правового мышления, искусства формулирования новых правовых норм и модификации норм старых, действующих с давних времен, приемов переработки с целью приспособления к условиям русского общества норм иностранных юридических сборников, навыков группировки и классификации правового материала — одним словом, всего того, что составляет содержание явления, называемого юриспруденцией. Соборное уложение 1649 г. необходимо изучать поэтому и как *памятник русской юриспруденции*. Оно подвело итог эволюции русской юриспруденции в предшествовавшие исторические эпохи и стало отправной точкой для дальнейшего ее развития.

Из преамбулы к основному тексту Уложения царя Алексея Михайловича видно, что для его создания предполагалось выполнить следующие действия: 1) «*выписать*» статьи, которые «пристойны» (применимы) «к государственным и к земским делам», из правил святых апостолов и святых отцов и градских законов «греческих царей»; 2) «*собрать*» «прежних великих государей царей и великих князей российских и отца его государева блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси указы и боярские приговоры»; 3) «*справить*» (исправить) названные указы и боярские приговоры со старыми судебниками; 4) «*написать и изложить*» статьи, отсутствовавшие в судебниках и боярских приговорах прошлых лет.¹

В действительности же при создании Соборного уложения 1649 г. была проделана значительно более масштабная работа, чем та, о которой говорилось в его преамбуле. Огромный правовой материал был не просто сведен в единый юридический сборник — его подвергли группировке и классификации. Весь текст Уложения был разбит на главы, каждая из которых получила свое наименование.

Пометы, сделанные на полях рукописного свитка, и само содержание статей данного правового памятника показывают, что его составители черпали

* Данная статья представляет собой сокращенный вариант § 2 гл. 6 книги В. А. Томсинова «История русской юриспруденции. X–XVIII вв.», которая будет опубликована в издательстве «Зерцало».

** Доктор юрид. наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

© В. А. Томсинов, 2007

¹ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* Л., 1987. С. 17.

правовые нормы из большего количества источников, чем это обозначено в преамбуле. Среди подобных заметок встречаются, например, такие: «из Моисеева закона»,² «из Стоглава»,³ «из Литовского [статута]». ⁴ Источником Соборного уложения 1649 г. стали еще и указные книги различных приказов, не упомянутые ни в преамбуле к его основному тексту, ни в заметках на его полях. В эти книги записывались по мере их издания царские указы,⁵ а также доклады приказов по тем или иным государственным делам, предназначенные для внесения на рассмотрение царя и Боярской думы.⁶ По мнению К. Д. Кавелина, «указные книги представляли по разным частям готовые уложения с подробными указаниями на отмененные и измененные законы, а доклады приказов, еще не внесенные в Думу, заключали в себе новые случаи, не разрешенные законодательным порядком, следовательно, все материалы, нужные для написания новых статей». Кавелин считал, что при составлении Соборного уложения 1649 г. «редакционной комиссии оставалось только собрать эти указные книги и заготовленные доклады из разных приказов, выбрать текст законов, сгруппировать статьи, выбранные из старых законов, с текстом новых, которые их дополнили или изменили, наконец, составить, на основании заготовленных докладов, несколько примерных статей, — и главная, существенная часть работы была готова».⁷

Историк А. Н. Зерцалов, специально исследовавший деятельность Земского собора 1648–1649 гг., отмечал: «Во всех приказах шла усиленная переписка указов и боярских приговоров для Уложенной комиссии, какие документы и присылались к составителям при памятях. Мы имеем документальное сведение, что в одном из самых главных приказов, именно Поместном, занимались списыванием копий с разных документов для Уложенной комиссии, а также для приказов Разбойного и Сыскных Дел 61 человек подьячих; ими написано в 5 месяцев с 16 июля 156 по 16 декабря 157 года 34 стопы, что составит 16 120 листов; каждым подьячим в 5 месяцев было написано по 264 $\frac{1}{4}$ листа; за переписку 991 тетради с книг писцовых, дозорных и переписных Нижегородских и Арзамасских им выдано 20 сентября 157 г. (1649 г. — В. Т.) вознаграждение 38 руб. 22 ал. 2 деньги».⁸

² Помета «из Моисеева закона» стоит в рукописном свитке Соборного уложения 1649 г. рядом с текстом ст. 1 гл. I.

³ Помета «из Стоглава» стоит на полях текста ст. 6 гл. XXII Соборного уложения 1649 г.

⁴ Помета «из Литовского» (или «из Литовского») стоит против 56 статей рассматриваемого правового памятника. См. об этом: *Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 445–446.

⁵ Повеление о записи какого-либо царского указа в книге того или иного приказа приводилось нередко в заключительных строках самого указа. См., например, указы 1655 и 1659 гг. в «Полном собрании законов Российской империи» (Т. 1. СПб., 1830. № 169, 247).

⁶ О том, что записывалось, например, в Указную книгу Поместного приказа, показывает ее название: «Государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, и отца его государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, указы и боярские приговоры о поместных и о вотчинных землях, о которых указах докладывали государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, и отца его государева, великого государя, святейшего патриарха, Филарета Никитича Московского и всея Руси, и которые указы сысканы в переносных делах по памяти, после Московского пожара 34 года, которые государевы указы о поместных же и о вотчинных землях написаны с доклада о розных статьях» (*Христоматия* по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1885. С. 187).

⁷ *Кавелин К. Д. Сочинения.* М., 1859. Ч. 3. С. 179–180.

⁸ *Зерцалов А. Н. Новые данные о Земском соборе 1648–1649 гг. М., 1887. С. 5.*

Сопоставление содержания Соборного уложения 1649 г. с текстами указных книг позволяет сделать вывод о том, что нормы гл. XII «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян» данного правового памятника, а также гл. XVI «О поместных землях» были заимствованы почти в полном объеме из Указной книги Поместного приказа;⁹ гл. XXI Соборного уложения повторяла соответствующие тексты Уставной книги Разбойного приказа;¹⁰ некоторые статьи гл. X «О суде» и гл. XIV «О крестном целовании» воспроизводили правила, записанные в Указной книге Земского приказа; источником ряда статей гл. XX Уложения «Суд о холопех» (ст. 9, 12, 14, 15, 30, 47, 48, 52 и 64) явились записи в Указной книге приказа Холопьяго суда, а ст. 66 названной главы происходила из боярского приговора 1634 г., записанного в книге приказного стола Разрядного приказа; по меньшей мере двенадцать статей гл. XIX Соборного уложения «О посадских людех» (ст. 21–31, 33) имели своим источником Справку Сыскного приказа, которая представляла собою, по словам историка М. А. Дьяконова, «нечто вроде указной книги».¹¹ Пятьдесят шесть статей гл. XVIII «О печатных пошлинах» были сформулированы на основе записей Указной книги Печатного приказа.¹² Историк С. Б. Веселовский, исследовавший вопрос о происхождении норм названной главы, писал: «Неизвестно происхождение 31–45 статей, но заимствование их из дел Печатного приказа более чем вероятно, если принять во внимание известную нам компетенцию этого учреждения и его записные книги, сохранившиеся в архиве Министерства юстиции. Одним словом, нам представляется несомненным, что вся XVIII глава взята в Печатном приказе, так же, как XXV глава (о корчмах) взята из указной практики Новой чети¹³».¹⁴ По мнению Веселовского, «около 132 г. (1624 г.) в Челобитном приказе состоялось какое-то “уложение” по гражданскому суду, которое и было сообщено этим приказом другим приказам».¹⁵ Существует немало оснований полагать, что в 1620–1626 гг. в московских приказах шла интенсивная законодательная работа по «обновлению земли», которая являлась своего рода подготовкой к составлению объемного общерусского Уложения. Этот факт

⁹ Этот факт установил историк В. Н. Сторожев, опубликовавший в 1889 г. все сохранившиеся фрагменты Указной книги Поместного приказа (*Указная книга Поместного приказа с предисловием, объяснительными примечаниями, перечнем указов и приложений*, составленными В. Н. Сторожевым. М., 1889).

¹⁰ На этот факт обратил внимание в своей «Христоматии...» М. Ф. Владимирский-Буданов (*Христоматия по истории русского права*. Вып. 3. С. 45).

¹¹ *Дьяконов М. А.* Источники XIX главы Соборного уложения // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 240.

¹² Данный вывод был сделан С. Б. Веселовским при сопоставлении содержания гл. XVIII Соборного уложения с текстами сохранившихся докладов Печатного приказа, на основании которых писались указы. Тексты же этих указов не сохранились. Веселовский проанализировал записи в одиннадцати столбцах Печатного приказа, хранившиеся в московском архиве Министерства юстиции в делах Преображенского приказа, и обнаружил несколько докладов царю Михаилу Федоровичу, сделанных в 132–133 гг. (1624–1625 гг.) руководством Печатного приказа.

¹³ «Четями» или «четвертями» именовались в России XVI–XVII вв. приказы, ведавшие финансами отдельных административно-территориальных образований и взимающие с податного населения «четвертные доходы», которые шли на выплаты годового жалования служилым людям высших разрядов.

¹⁴ *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 41.

может служить, возможно, главным объяснением той удивительной быстроты,¹⁶ с которой была совершена осенью 1648 г. работа по составлению Соборного уложения. С. В. Пахман считал, что эта быстрота объясняется, помимо данного факта, и тем, что «комиссия имела в пособие опытных дьяков и притом в большом количестве, которые хорошо, без особых справок, знали все важнейшие юридические положения, имевшие силу в том или другом приказе». По его словам, «это, отчасти, подтверждается и тем, что между заметками, которые выставлены на полях подлинного Уложения, в числе источников книги приказов не показаны».¹⁷

К этому следует добавить, что дьяки, привлеченные к составлению Соборного уложения, отличались не только знанием всех важнейших правил, имевших силу в сфере деятельности того или иного приказа, но обладали развитыми навыками формулирования правовых норм,¹⁸ их группировки и классификации, а также искусством переработки заимствованного материала в духе общественного порядка, существовавшего в России в середине XVII в. Все это позволяло им плодотворно использовать в своей работе самый разнообразный правовой материал.

Способность дьяков искусно приспособить правовые нормы, возникшие в предшествовавшие эпохи и в другом государстве, к условиям русского общества их времени, наиболее ярко проявилась в статьях Соборного уложения 1649 г., сформулированных на основе норм Статута Великого княжества Литовского 1588 г. М. Ф. Владимирский-Буданов, специально исследовавший вопрос о влиянии названного статута на Уложение царя Алексея Михайловича, пришел к выводу о том, что кроме 56 статей Уложения, помеченных на полях рукописи данного правового памятника в качестве заимствованных из Литовского статута, в нем было много и других подобных статей. Он указал, в частности, на то, что формула «а будет кто...», с которой начинаются многие статьи Соборного уложения, скорее всего есть не что иное, как перевод столь же обыкновенной формулы «кгда бы хто...», составляющей начало статей в Литовском статуте.¹⁹

Характер переработки норм литовского права русскими дьяками выявляется при сопоставлении ч. 1 ст. 1 разд. 11 Статута Великого княжества Литовского 1588 г. со ст. 198 гл. X Соборного уложения 1649 г.

Статут Великого княжества Литовского 1588 г.

Роздель одинадцатый. О квалтехъ, о боехъ, о головщызнахъ шляхетскихъ Артикул 1. Кто бы на чый домъ або на госпуду умыслъне наехалъ, хочты его забити

¹⁶ Историк Н. П. Загоскин говорил в своей речи «Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 г.» (Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. 1880. Январь–февраль. С. 157–234) о «баснословной быстроте» составления Соборного уложения.

¹⁷ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 212.

¹⁸ «Уложение царя Алексея Михайловича уже представляет значительную степень образования наших юристов, если не в отношении формы (системы), то по крайней мере в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения», — отмечал П. И. Дегай (Дегай П. И. Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. С. 119)

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1877. С. 28 (раздел «Критика и библиография»).

«Уставуемъ: хто бы на чый домъ шляхетский не только на самый дворъ, але и на гумно або на дворець, где быдло и иное господарство домовое бываетъ ховано, кгвалтомъ умыслне наехавшы або нашедъшы, а в томъ дому кого кольвекъ забил и тымъ покой посполитый възрушьель, а то бы на него было слушнымъ доводомъ водлугъ сего статуту переведено, тотъ горло тратить, а не толко самъ, але и помочники такового, хто з нимъ на томъ кгвалте будеть, также горьломъ карани будуть, звлаща, если бы тые помочники от того отпрысегнутися не хотели, яко о томъ нижей в семь же розделе, артыкуле второмъ описано естъ. А головщизна водлугъ стану совито зъ имения того кгвалтовника и тежъ шкоды если бы которые на томъ кгвалте вчинены детямъ або близкимъ забитого, з навезкою плачоны быти мають».

Соборное уложение 1649 г.

Глава X. О суде, статья 198

«А будетъ кто приедетъ к кому ни будь на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ, умысля воровски, и учинитъ надъ темъ, к кому онъ приедетъ, или надъ его женою, или надъ детьми, или надъ людьми смертное убойство, а същется про то допряма, и того, кто такое смертное убойство учинитъ, самого казнить смертью же, а товаришевъ его всехъ бить кнутомъ и сослать, куды государь укажетъ».

О том, что приведенная статья Соборного уложения сформулирована на основе соответствующей статьи в Литовском статуте, свидетельствует помета «из Литовского», сделанная рядом с ее текстом в рукописном свитке русского юридического сборника. В результате переработки нормы Литовского статута составителями Соборного уложения был конкретнее определен объект преступного посягательства: в первом из правовых памятников шла речь об убийстве какого-либо человека («в томъ дому кого кольвекъ забил»), во втором говорилось об убийстве хозяина дома, его жены или детей или слуг. Кроме того, по-новому были распределены санкции: в Литовском статуте карались смертью и главный исполнитель, и соучастники преступления, согласно же Соборному уложению, главный исполнитель приговаривался к смертной казни, а соучастники — к битью кнутомъ и к ссылке. Наконец, и это самое главное, если в Литовском статуте наказывалось преступление, совершенное в шляхетском доме («хто бы на чый домъ шляхетский...»), то в Соборном уложении социальная принадлежность хозяина дома вообще не указывалась.

М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что русское Уложение 1649 г. «в тех постановлениях, которые оно заимствует, везде оно уничтожает сословную окраску; так, артикул 27 раздела XI говорит: О головщинах, о хроменью члонков и о навезках *шляхетских*, а 10-я статья XXII главы Уложения: а будетъ кто... *над кем-нибудь* мучительское наругательство. Следующий артикул Статута говорит: хто бы *шляхтича* взял до везенья, а соответствующая статья Уложения: а будетъ такой поругатель *кого-нибудь* зазвав или силою заволокши к себе на двор...».²⁰ Исключая из норм, заимствованных из Литовского статута, характеристики сословной принадлежности, составители Соборного уложения 1649 г. следовали задаче, которая была поставлена перед ними царем Алексеем Михайловичем по совету с патриархом Московским Иосифом, митрополитами, архиепископами, епископами

²⁰ Там же. С. 22.

и со всем освященным собором, а именно: изложить правовые нормы так, «чтобы Московского государства всяких чинов людям от болюаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем равна».²¹

Многие редакционные нововведения, сделанные составителями Соборного уложения 1649 г. в содержании норм, заимствованных из Статута Великого княжества Литовского 1588 г., были обусловлены тем, что в России середины XVII в. существовал более развитый судебный процесс по сравнению с тем, на который был рассчитан Статут. В тех случаях, когда в Литовском статуте не ставилось вопроса о проведении судебного разбирательства, Соборное уложение указывало, например: «На того убойца дати суд, а с суда сыскать» (ст. 133 гл. X).²²

Наиболее распространенным приемом переработки статей Литовского статута при введении их в содержание Соборного уложения было их разделение на отдельные части. Многие статьи Литовского статута были весьма обширны по своему объему. При этом в одной и той же статье могла идти речь, например, о заговоре или бунте «на здоровье наше государево», об оскорблении государева величия, о фальшивомонетничестве, о собирании войска против государя, об измене. В Соборном уложении каждой из разновидностей преступлений посвящалась, как правило, отдельная статья.

Литовский статут отличался многословностью и цветистостью выражений. Заимствуя из него статьи, составители Соборного уложения сокращали и упрощали их текст. М. Ф. Владимирский-Буданов видел в этом еще одно преимущество русской юридической техники по сравнению с литовской. «Особенное свойство языка Статута, — отмечал он, — это обилие синонимов, ничего не прибавляющих к ясности понятия (это свойство — общее всем законодательным памятникам Литовско-русского государства, чем они обязаны средневековому латинскому языку законов и актам немецким, служившим им образцом). Статут говорит, напр., что кто будет *измышлять* и *устанавливать* мыт, тот подлежит такой-то каре. Уложению чужды эти прикрасы языка; оно с трезвою простотою говорит: кто заведет вновь».²³

Несмотря на то что заимствования из Литовского статута были в тексте Соборного уложения довольно большими по своему объему, практически ни одна заимствованная статья не была оставлена без переработки, причем чаще всего существенной, затрагивавшей не только форму, но и содержание. Переработка литовского правового материала московскими законоискусниками была по-настоящему творческой: в результате ее нормам литовского права придавалась бóльшая определенность, конкретность изложения, а зачастую и новый смысл. Работу такого объема и такой сложности невозможно было совершить ни за три, ни за большее количество месяцев. Очевидно, что переработка материала Статута Великого княжества Литовского 1588 г. и приспособление его к условиям России должны были начаться ранее 1648 г. На основании некоторых фактов можно утверждать, что такая работа происходила в России уже в первой трети XVII в. В середине XIX в. известный русский историк права и архивист

²¹ *Соборное уложение 1649 г.* Текст. Комментарии. С. 17.

²² Там же. С. 43.

²³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича. С. 30.

Н. В. Калачов обнаружил и опубликовал выписки из Литовского статута, включавшиеся в первой половине XVII в. качестве дополнения в указные книги московских приказов.²⁴ Впоследствии их перепечатал в третьем выпуске своей «Христоматии...» М. Ф. Владимирский-Буданов.²⁵

Не менее двадцати статей Соборного уложения 1649 г. происходили из «градских законов греческих царей»,²⁶ — византийского юридического сборника, составленного в 70-е годы IX в., в период совместного правления императоров Василия, Константина и Льва. В современной исторической литературе данный сборник именуется «Прохирином», или «Прохейроном».²⁷ Отдельные фрагменты его, в ряде случаев без изменений, включались с конца IX в. в различные номоканоны. Именно в составе этих сводов церковного и светского права нормы Прохирона и пришли первоначально на Русь. Н. В. Калачов считал, что указанные нормы составляли в древнерусском обществе часть действующего права: «Не могу, кстати, не заметить, что *градский закон* заслуживает нашего особенного внимания, потому что на практике он уже в самую глубокую древность имел у нас юридическую силу: это подтверждается разными памятниками, как духовными, так и светскими, которые во многих случаях весьма ясно показывают, что наши предки основывали на нем свои судебные приговоры».²⁸

Сформулированные на основе норм Прохирона статьи Соборного уложения относились в основном к сфере уголовного права: в них устанавливались, например, наказания за поджог города или дворов (ст. 4 гл. II), за переход к неприятелю во время государевой службы в полках (ст. 20 гл. VII), за кражу лошади во время военной службы (ст. 29 той же главы), за убийство матери и отца (ст. 1–2 гл. XXII), за подстрекательство к смуте (ст. 13 гл. XXII), за убийство женою своего мужа (ст. 14 той же главы). Помета «из градских» стояла и против ст. 16 гл. XXII Соборного уложения, в которой говорилось: «А будет кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинить или ея ис того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят и учнут помочь

²⁴ *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*. СПб., 1855. Кн. 2. Ч. 1.

²⁵ *Прибавления к Уставной книге Разбойного Приказа*. Статьи, заимствованные из Литовского Статута в указные книги приказов (до 1631 г.) // *Христоматия по истории русского права*. Вып. 3. С. 78–85.

²⁶ В свитке Соборного уложения помета «из градских» стоит против 24 статей. См. об этом: *Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г.* // *Соборное уложение 1649 г.* Текст. Комментарии. С. 445–446. — Профессор Н. И. Крылов насчитывал в рассматриваемом правовом памятнике 28 статей из византийского права (*Крылов Н. И.* Об историческом значении римского права в области наук юридических. М., 1838). По мнению Н. Ф. Рождественского в Соборное уложение 1649 г. вошло 39 статей, «слово в слово заимствованных из Прохирона Василия Македонянина» (*Рождественский Н. Ф.* О влиянии Греко-Римского права на Российские гражданские законы // *Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете*, бывший 25 марта 1843 г. СПб., 1843. С. 112).

²⁷ См. о различных названиях данного юридического сборника и происхождении его русского наименования «Прохирон» в книге: *Бенеманский М. И.* 'Ο Προχαιρος Νομος императора Василия Македонянина («Закона градского главы различны в четырехдесятых гранех»). Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 33–34.

²⁸ *Калачов Н. В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра. М., 1846. С. 146.

чинить тем людям, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которые люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнить смертию».²⁹

Статьи 259, 272–273, 275–278 гл. X, заимствованные составителями Соборного уложения 1649 г. согласно помете против их текстов из византийского права, регулировали различные проблемы, возникавшие при исполнении гражданско-правовых договоров: займа, подряда, ссуды, найма и т. д. В ст. 15 гл. XVII, также имевшей своим источником «градские законы греческих царей», устанавливалось правило, обеспечивавшее в случае смерти отца или матери долю в наследстве глухим и немым детям.³⁰

Указом царя Алексея Михайловича, изложенным в преамбуле к основному тексту Соборного уложения 1649 г., предписывалось брать «в градских законах греческих царей» только те статьи, которые «пристойны... к государственным и к земским делам». Это означало, что заимствование норм византийского права при составлении данного сборника носило весьма ограниченный характер: в его содержание переносились не все нормы таких правовых памятников Византии, как Эклога или Прохирон, но лишь отдельные из них — те, которые были применимы («пристойны») к условиям русского общества. «Такая рецепция градских законов в Уложение существенно отличает его от Кормчих, — отмечал М. И. Бенеманский. — В то время, как многое из градских законов, внесенных в Кормчие полностью, было лишь мертвым, ненужным материалом в русском праве, в Уложение должно было войти из них только то, что пристойно было этому праву, так что, несмотря на множество заимствований в него из иностранных источников, оно осталось, все-таки, вполне национальным кодексом, переработавшим чужой материал по духу старомосковского права и не сделалось рабскою компиляцией права иноземного».³¹

Прохирон подобрал в себя немало норм обязательственного права, разработанных древнеримскими юристами. Включая эти нормы в содержание Соборного уложения, его составители освобождали их от ряда деталей, которые, вероятно, казались им излишними в условиях русского общества. Так, в гл. 9 титула XVII Прохирина излагалось следующее правило, регулировавшее договорные отношения между заказчиком и мастером по обработке драгоценных камней в случаях, когда заказанной вещи наносится какое-либо повреждение:

«Аще возмет кто камень, да устроит, или провертит, или изделает в нем, и сокрушится: аще убо неумением мудреца, повинен есть. Аще же виною вещи, повинен есть. Аще ли неведый восприят, рекше, аще обещася не сокрушити, и сокрушит, повинен».³²

В Соборном уложении эта норма была изложена в ст. 272 гл. X в следующей формулировке:

²⁹ *Соборное уложение 1649 г.* Текст. Комментарии. С. 130.

³⁰ «А будет после которого умершаго останутся дети глухи и немые, а братья их или сестры учнут обидить их и отцова или матерняя имения учнут их отлучать, и тем умершаго детям имения отца их или матери розделить по жеребьям всем поровну, чтобы из них никто изобижен не был» (Там же. С. 86).

³¹ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 196–197.

³² Цит. по: Там же. С. 215.

«А будет кто мастеровой человек возмет у кого узорочные товары камень алмаз, или яхонт, или изумруд, или лал, или иной какой камень для олмаженья, или гранити, или печати резати, и небрежением тот камень розломит или какую ни будь поруху учинит, и в том на него будут челобитчики, и на нем за тот камень взятии цену, чем сторонние люди оценят».³³

В отличие от приведенной нормы византийского права, в которой речь шла просто о драгоценном камне, в соответствующей ей статье Соборного уложения были указаны конкретные его виды. Однако если в Прохироне, помимо вины мастера, выделялась вина вещи, и при наличии последней мастер не нес ответственности за повреждение драгоценного камня, то в Соборном уложении такого различия не проводилось. Вместо этого говорилось только о «небрежении» мастера при обработке камня, за которую на него возлагалась обязанность уплатить за камень цену, назначенную «сторонними людьми». Таким образом, Соборное уложение воспроизводило норму «градцкого закона» в упрощенном варианте, который, вероятно, составители данного юридического сборника сочли более подходящим к правосознанию русского общества. Подобные упрощения норм византийского права при включении их в текст Соборного уложения 1649 г. были особенно характерны для предписаний, регулировавших гражданско-правовые отношения.

Для приспособления же уголовных норм византийского права, включавшихся в текст Соборного уложения, к условиям России часто было достаточно внести в их формулировки лишь некоторые весьма незначительные изменения. Так, ст. 4 гл. II Соборного уложения была сформулирована на основе правовой нормы, изложенной в гл. 18 титула XXXIX Прохирона. При этом составители Уложения ограничились небольшой редакторской правкой текста византийской нормы и добавлением к нему двух новых слов.

Прохирон («Закон градский»)

Титул XXXIX, глава 18

«Аще некто ведый, рекше хотением дом зажжет или ворох жита, близ дому лежаш, и обличен быв, огневи предан боудет».³⁴

Соборное уложение 1649 г.

Глава II, статья 4

«А будет кто умышлением и изменою город зажжет или дворы, и в то время или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия».³⁵

Как видим, и в Прохироне, и в Соборном уложении преступлением считался просто поджог домов без учета его последствий, т. е. не принималось во внимание, приведет поджог к повреждению имущества или к полному его уничтожению. В обоих сборниках субъект данного преступления имел злой умысел (совершал поджог «умышлением» или «ведый, рекше хотением») и должен был подвергнуться одинаковому наказанию — сожжению.

³³ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 62.

³⁴ Цит. по: *Бенеманский М. И.* Закон градский. Значение его в русском праве. С. 204.

³⁵ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 20.

Однако в отличие от Прохирона Соборное уложение придавало поджогу характер *измены* и называло в качестве объекта преступного посягательства не просто дома, но и *город*. Соответственно, и наказание — сожжение преступника — должно было осуществляться по Соборному уложению «безо всякого милосердия».

Такая переработка нормы византийского права в полной мере соответствовала условиям русского общества. Поджог домов нередко использовался в России в качестве средства побудить народ к восстанию, и поэтому его вполне можно было отнести к категории государственных. А поскольку городские постройки были в подавляющей своей части деревянными (даже в Москве), то поджог нескольких домов был по существу равнозначен поджогу города в целом. Подобный поджог произошел в Москве в июне 1648 г., т. е. незадолго до созыва Земского собора, на котором было принято решение о составлении Уложения. Один из иностранцев, наблюдавших это бедствие, писал впоследствии в своих мемуарах: «Вдруг после обеда в пяти различных местах города вспыхнул страшный пожар, который в течение 13 или 14 часов половину Москвы обратил в груды пепла. Во время пожара, как насчитывают некоторые, сгорело 10 000 домов. Если же считать и те дома, которые во многих и различных дворах были огнем превращены во развалины, то всего-на-все погибло пятнадцать тысяч домов; в иных из этих домов сгорело десять человек, в других двенадцать, а в некоторых и более; в числе сгоревших отцы, матери, дети, слуги. Число людей, погибших от огня, простирается приблизительно до 1700».³⁶

В исторической литературе, посвященной Соборному уложению 1649 г., часто высказывается мнение о том, что выраженный в этом правовом памятнике формальный взгляд на сущность преступления, т. е. понимание преступления не только как действия, причиняющего кому-то какой-либо материальный вред, но и в качестве простого нарушения царского указа,³⁷ появился под влиянием византийских правовых концепций, в особенности представления о преступлении, характерного для Прохирона. Подобным же образом влиянию византийского права приписывается и утверждение в Соборном уложении воззрения на наказание как на средство устрашения.

Данное мнение проводится, например, в книге М. И. Бенеманского «Закон градский. Значение его в русском праве». Здесь пишется, в частности, следующее: «В то время как Прохирон в 39-ом своем титуле проводит чисто формальный взгляд на преступление: всякое нарушение закона есть преступление, большинство памятников русского законодательства за предшествующие периоды выражает главным образом материальный взгляд на него: преступно только то действие, которое причиняет кому-либо

³⁶ *Московский бунт 1648 г.* // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 71–72.

³⁷ См., напр., ст. 9 гл. I Соборного уложения: «А будет кто, забыв страх божий и презрев царское повеление, учнет ему государю, или патриарху, или иным властям в церкви божии во время церковного пения о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет» (*Соборное уложение 1649 г.* Текст. Комментарии. С. 20). В этой статье преступлением прямо объявляется нарушение царского повеления, хотя при этом и подразумевается, что челобитье во время церковного пения преступно, в конечном счете, потому, что может вызвать «смятение». О запрете бить челом в церкви во время церковного пения, дабы «смятения не было», говорится в предыдущей статье указанной главы Соборного уложения (ст. 8).

внешний материальный вред. Отсюда происходила громадная разница и между наказаниями за преступления по Прохирону и по памятникам русского законодательства. Первый налагает наказания и за такие действия, которые не причиняют никакого материального вреда, последние же такие действия оставляют без последствий, в большинстве случаев они не преследуют преступника и не подвергают его никакому наказанию, если на него не было жалобы со стороны потерпевшего лица. И, наоборот, первый оставляет без наказания и преступные действия, если они не явились последствием злых умыслов их совершителей, последние же налагают наказания и за такие действия, в которых хотя и участвовала злая воля их совершителей, но ими был причинен кому-либо материальный вред. Уложение в этом случае вполне разделяет взгляд Прохирина. Равным образом и самый род наказаний, утвержденных Уложением, вполне одинаков с родом наказаний, принятых в Прохироне. Столь развитая в древнем русском праве система денежных пеней и выкупов уступает в нем место смертной казни, различного рода членовредительством и ссылке. Наконец, самая цель наказаний по Уложению одинакова с целью их по Прохирону, это — «устрашение».³⁸

Восприятием византийских правовых концепций объяснял появление в Соборном уложении большого числа жестоких, призванных внушать страх уголовных наказаний также историк русского права А. Н. Филиппов. «Современная историко-юридическая критика первоисточников С. Уложения, — отмечал он, — неоспоримо доказала, что громадная доля ответственности за “кровожадность” должна пасть на светское византийское право».³⁹

По сравнению с судебниками 1497 и 1550 гг. и тем более с Русской Правдой Соборное уложение 1649 г. действительно показывает беспрецедентную жестокость уголовных наказаний, причем эта жестокость представляется здесь в качестве неотъемлемого свойства наказания. «Да будет сыщется кто на кого возмет какую крепость нарядным делом по неволе, и таким людем, кто такие крепости учнет имати по неволе, чинити *жестокое* наказанье, бить их кнутом *нещадно* при многих людех, чтобы им и иным таким впредь неповадно было так воровать»,⁴⁰ — говорится в ст. 251 гл. X Соборного уложения. Точно такое же наказание предусматривается и ст. 55 гл. XXI данного сборника: «А будет в сыску скажут, что того приводного человека исцы ополчили силно, и тем людем, которые его ополчили силно, за то учинить *жестокое* наказание, при многих людех бить их кнутом *нещадно*, да на них же тем людем, кого они ополчили силно, править бесчестье вдвое, чтобы на то смотря и иным неповадно было так делать».⁴¹ Подобных статей много в Соборном уложении 1649 г. — этот юридический сборник вполне заслуживает определения «кровожадный». Однако вряд ли правильным будет связывать многочисленность жестоких наказаний в нем с восприятием его составителями уголовно-правовых воззрений византийских правоведов.

³⁸ Бенеманский М.И. Закон градский. Значение его в русском праве. С. 200–201.

³⁹ Филиппов А. Н. История русского права. Ч. 1. Вып. 3. Юрьев, 1906. С. 24.

⁴⁰ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. С. 60.

⁴¹ Там же. С. 123.

Влияние византийских правовых концепций вполне могло сыграть определенную роль в утверждении в Соборном уложении формального взгляда на преступление и представления об уголовном наказании как средстве устрашения. Но эта роль была скорее побочной — стимулирующей, нежели решающей. Византийские сборники норм церковного и светского права были известны на Руси еще во времена Русской Правды. Но тем не менее ни Русская Правда, ни создававшиеся в последующие эпохи судные грамоты и судебники не воспринимали этих представлений. По словам В. И. Сергеевича, «формальный взгляд на преступление нашел свое выражение сначала только в церковных уставах Владимира св. и Ярослава. В уставе Владимира запрещаются многие деяния только потому, что они не допускаются церковными законами, напр., моление у воды, волшебство и проч. Преступлением считалось отправление обрядов языческого богослужения. Эти обряды не причиняли, конечно, никому материального вреда, но исполнение их воспрещалось и наказывалось потому, что они были не согласны с учением церкви».⁴²

Формальный взгляд на преступление утвердился в русской юриспруденции во второй половине XVI — в первые десятилетия XVII в., еще до издания Соборного уложения 1649 г. «В Судебниках, — писал по этому поводу В. И. Сергеевич, — еще заметен материальный взгляд: преступление носит наименование “лихого дела”. Судебники говорят: татьба, душегубство и иное лихое дело. В этом слышится указание на материальный вред. Преступники носят наименование “лихих людей”, в этом опять проглядывает материальная точка зрения. Но в позднейших памятниках взгляд на преступление получает чисто формальный характер; под преступлением начинают понимать “непослушание царской воле”, нарушение предписаний власти. В воеводских наказах, после перечисления запрещенных деяний, о преступниках говорится: “А за их *непослушание* чинить им жестокое наказание, чтобы, смотря на то, другим ослушаться не повадно было”».⁴³

Утверждение в русском правосознании и светском законодательстве формального взгляда на преступление отвечало потребностям развивавшейся русской государственности. Такой взгляд утвердился бы в указанный период даже в том случае, если бы византийские уголовно-правовые концепции вообще не были бы известны в России. Опыт правовой истории западноевропейских стран показывает, что понимание преступления в качестве нарушения предписаний государственной власти начинает неизбежно преобладать в действующем законодательстве в эпоху становления бюрократического государства — так называемой «абсолютной монархии». Одновременно с этим более жестокими становятся и наказания, которым сознательно придается преимущественно устрашающее значение.

В течение второй половины XVI — первой половины XVII в. в России развивался аппарат государственного управления: возрастало количество приказов и численность приказных людей. События Смуты начала XVII в. на некоторое время прервали данный процесс, но после избрания царем Михаила Федоровича Романова он возобновился и стал проходить более

⁴² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 257.

⁴³ Там же. С. 257–258.

быстрыми темпами.⁴⁴ Н. Ф. Демидова отмечает в своей книге, посвященной развитию управленческого аппарата в России в XVII в., что в указанную эпоху «эволюция государственного аппарата в области системы учреждений шла в направлении совершенствования приказной системы сверху донизу, вытеснения разнохарактерных учреждений сословного плана государственными бюрократическими учреждениями; в области же обслуживающего их штата — по пути количественного роста группы населения, единственным занятием которого была государственная служба».⁴⁵ По ее словам, «первая половина XVII в. — время расцвета приказной системы и постепенного внедрения ее во все отрасли управления».⁴⁶ Все эти процессы нашли свое отражение в тексте Соборного уложения 1649 г., в особенности в содержании его гл. X, в которой изложены нормы, регулирующие осуществление правосудия. Дьяки, подьячие и «всякие приказные люди» выступают в статьях этой главы главными действующими лицами «суда государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси».⁴⁷ О возрастании к середине XVII в. роли служилых людей в осуществлении государственной власти в России свидетельствует и описание русской государственности в трактате Г. К. Котошихина (ок. 1630–1667) «О России в царствование Алексея Михайловича». Глава 2 указанного произведения специально посвящена различным категориям людей, о чем свидетельствует ее название: «О царских чиновных людех: о боярех и околничих, и думных, и ближних людех, о столниках, о стряпчих, о дворянех, о полковниках и головах стрелецких, о диаках, о жилцах и о всяких служилых и дворовых людех».⁴⁸ В гл. 7 «О приказах» рассказывается о составе различных приказов и сфере деятельности каждого из них.⁴⁹

Ужесточения уголовных наказаний, придания им устрашающего характера требовала и сама политическая обстановка 1640-х гг. в России. Это было время народных бунтов.⁵⁰ В 1648 г. (год, предшествовавший принятию Соборного уложения) народные бунты произошли в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других русских городах. Самым опасным для верховной государственной власти городским восстанием был московский мятеж, случившийся в 20-х числах июня 1648 г. Для того чтобы успокоить мятежных горожан царю Алексею Михайловичу пришлось пойти на уступки, в частности дать разрешение на казнь некоторых своих вельмож, имевших в народе дурную репутацию.⁵¹ Немецкий ученый Адам Олеарий (1599–1671), описавший в своих записках о Московии события этого опасного для русского царя и его двора мятежа, сделал следующий

⁴⁴ См. об этом: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21.

⁴⁵ Там же. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 21.

⁴⁷ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. С. 31–64.

⁴⁸ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словник Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 44–56.

⁴⁹ Там же. С. 107–147.

⁵⁰ В. О. Ключевский все XVII столетие называл «эпохой народных мятежей в нашей истории» (Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 225).

⁵¹ См. об этих событиях: Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и комм. Ю. А. Лимонова. Л., 1986. С. 380–388; Московский бунт 1648 г. // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 69–73.

вывод из них: «Такой опасности в то время подвергалось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, во всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют».⁵²

Идея составления Соборного уложения возникла во многом под влиянием городских восстаний. На это указывал, в частности, в своих «Лекциях по славянскому праву»⁵³ профессор Императорского Варшавского университета Ф. Ф. Зигель. Он считал, что мятежи в Москве, Пскове и Новгороде, происходившие в 1640-х гг., порождались, помимо прочего, также «неопределенностью юридической основы русского общества». Эта неопределенность была вызвана, по его мнению, в значительной мере уничтожением в пожаре 1626 г. свитков с текстами законодательных актов, которыми регулировалась деятельность служилых людей,⁵⁴ и созданием нового юридического сборника старались данную неопределенность устранить.

В то время, когда шли работы над Соборным уложением, события московского мятежа 1648 г., в особенности жестокие расправы над вельможами, не могли еще стереться из памяти его составителей. Появление в содержании правовых норм Соборного уложения жестоких санкций, устрашающих по своей цели наказаний было в этих условиях вполне закономерным.

Анализ содержания Соборного уложения 1649 г. показывает, что в него вошли правовые нормы, происходившие из многих источников. Кроме того, значительная часть новых правовых норм была сформулирована составителями Уложения на основе требований, которые были изложены в челобитных представителей различных групп населения,⁵⁵ избранных в августе 1648 г. в состав Земского собора. Об этих челобитных говорится в так называемой «Памяти приказа боярина князя Н. И. Одоевского с товарищи от 16 июля 1648 года в Новгородскую четверть о созыве выборных от посадов, ведомых в Новгородской четверти городов на Земский Собор к 1 сентября 1648 года».⁵⁶ Из содержания названного документа явствует, что «били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси дворяне Московские, и жильцы, и дворяне, и дети боярские из городов, и иноземцы,⁵⁷ и гости, и всяких чинов торговые люди о всяких

⁵² Олгарий А. Описание путешествия в Московию. С. 388.

⁵³ Эти лекции были напечатаны в 1902 г. на англ. яз. в Лондоне и Нью-Йорке: *Sigel F. Lectures on Slavonic Law. Being the Ilchester lectures for the year 1900.* London; New York, 1902.

⁵⁴ *Ibid.* P. 43.

⁵⁵ Перечень групп населения, от которых избирались представители в состав Земского собора в 1648 г., был дан мной в первой из статей, посвященных развитию русской юриспруденции в XVII в.: *Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в XVII веке. Статья первая // Законодательство. 2005. № 8. С. 88–89.*

⁵⁶ Названный документ был обнаружен в 1913 г. в одном из архивов историком П. П. Смирновым: *Смирнов П. П.* 1) Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1913. Кн. 4. Отдел IV. С. 1–20; 2) О начале Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 9. С. 36–66.

⁵⁷ О присутствии на Земском Соборе 1648–1649 гг. выборных от иноземцев см.: *Зерцалов А. Н.* Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. С. 7.

своих делех и о том, чтоб указал государь написать на всякие розправные дела Судебник и Уложенную книгу, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить».⁵⁸

Перед комиссией, которой было поручено царем Алексеем Михайловичем разработать проект Соборного уложения, стояла весьма сложная задача: свести воедино массу различных по своему происхождению правовых норм, приспособить содержание этих норм к условиям русского общества середины XVII в., расположить их в определенном порядке по главам. И с этой задачей комиссия успешно справилась.

Соборное уложение вобрало в себя прошедшие проверку временем нормы русского права, воплотило в своем содержании многовековой опыт русской юриспруденции. Нормы, заимствованные его составителями из иностранных источников, были отредактированы так, что стали выражать правовые воззрения, характерные именно для русского общества. Текст Соборного уложения был написан языком, понятным для основной массы населения России.⁵⁹ Новая юридическая терминология, использованная в изложении его правовых норм, базировалась, как и терминология всех предшествовавших ему сборников русского права, на бытовых терминах этого языка. Соборное уложение стало и по содержанию его правовых норм, и по приемам юридической техники, и по сущности выраженных в его тексте правовых идей самым значительным памятником русской правовой культуры средневековой эпохи. Ф. Л. Морошкин, обращая внимание на глубоко национальный дух Соборного уложения, называл его «историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридического слова».⁶⁰ «Уложение родословно как Москва, патриархально как русский народ и грозно как царский гнев, — отмечал он. — Судьбы Отечества отпечатались в нем всеми юридическими понятиями, народная жизнь всеми заветными мыслями и наклонностями».⁶¹ Подтверждение данной оценки Соборного уложения можно найти едва ли не в каждой из его глав.

Так, гл. II, посвященная государственным преступлениям, является, по моему мнению, наиболее яркой иллюстрацией того влияния, которое оказала на содержание норм Соборного уложения судьба России. Как известно, судебники XV–XVI вв. не выделяли государственных преступлений в особую категорию правонарушений. В Судебнике 1497 г. лицо, совершившее преступление против государства («кормолник»), упоминалось в одной статье (ст. 8) с убийцей своего господина («государским убийцей»), лицами, совершившими кражу церковного имущества («церковным

⁵⁸ Смирнов П. П. Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. С. 6.

⁵⁹ «Слог Уложения блаженныя памяти царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из онога выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому непосредственному уму», — такими словами императрица Екатерина II характеризовала язык Соборного уложения 1649 г. в своем «Наказе» комиссии о сочинении проекта нового уложения (*Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения* / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 124).

⁶⁰ *Об Уложении* и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета ординарным профессором, доктором прав Федором Морошкиным июня 10 дня 1839 г. М., 1839. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 7.

татем») или похитившими людей («головным татем»), подстрекателем к бунту («подымщиком»), поджигателем («зажигальщиком»).⁶² Все они подлежали смертной казни. Подобным же образом обстояло дело и в Судебнике 1550 г. (ст. 61). Правда здесь в числе лиц, совершивших преступление против государства, назывался, помимо «коромолника», «градский здавец» — лицо, сдавшее город врагу.⁶³ В Соборном уложении государственные преступления были обособлены в отдельную категорию. Глава II, в которой излагались правовые нормы, посвященные данной разновидности преступлений, состояла из 22 статей и носила соответствующее название: «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать». В ст. 1 этой главы говорилось о наказании лица, замыслившего посягнуть на здоровье (жизнь) государя; в ст. 2 — о наказании того, кто замыслил занять государев трон и предпринимал для исполнения этого замысла какие-либо действия (собирал войско, вступал в сношения с врагами царского величества и т. д.); в ст. 3 устанавливалась кара за сдачу города изменною государеву врагу; в ст. 4 — кара за умышленный и изменнический поджог города или дворов. В рассматриваемом правовом памятнике ничего не говорилось о преступлении, состоявшем в оскорблении государя словом, но на практике такие действия жестоко наказывались.

В качестве главного наказания за совершение государственных преступлений Соборное уложение предписало смертную казнь. Однако оно не ограничилось этой мерой. В ст. 2 гл. II Уложения была предусмотрена в дополнение к смертной казни конфискация в пользу государя поместий и вотчин государственных изменников. Статья 6 устанавливала: если жены и дети таких изменников знали про их измену, то и они должны были подлежать смертной казни.⁶⁴ Статья 9 предписывала «казнити смертию же» также отца, мать, братьев родных и неродных, дядей и других родственников изменника в случае, когда они проживали вместе с ним, имели общие вотчины и знали о том, что он готовит измену. Их вотчины, поместья и все остальное имущество подлежали при этом конфискации в пользу государя.⁶⁵

Статья 38 гл. XVII Соборного уложения устанавливала правило, по которому если кто-либо свою вотчину кому-то продавал или закладывал и купчую или закладную кабалу записывал на ту вотчину в книги и после этого совершал измену — отъезжал из Московского государства в другую страну, — то лицо, купившее данную вотчину у изменника до его измены,

⁶² «А государьскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» (*Судебник* 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 55).

⁶³ «А государьскому убойце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити ево смертною казнию» (*Судебник* 1550 г. // Там же. С. 108).

⁶⁴ «А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию» (*Соборное уложение* 1649 г. Текст. Комментарии. С. 20).

⁶⁵ «А будет кто изменит, а после его в Московском государстве останутся отец, или мать, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были вопче, и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту его измену ведали ли. Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали, и их казнити смертию же, и вотчины и поместья их и животы взятии на государя» (Там же).

могло владеть ею без выкупа, род же изменника лишался в этом случае вотчины.⁶⁶ Правовед Ф. В. Тарановский в своем комментарии на указанную статью особо подчеркивал, что, «признавая права третьего лица, государственная власть совершенно не признает интересов ни в чем не повинного рода изменника, и чтобы наказать весь род, не задумываясь, награждает случайное третье лицо, придав совершенной им сделке бесповоротность, которой бы она по закону не имела, если бы контрагент не изменил. Из приведенного примера видно, как под влиянием борьбы с изменой рушились все признанные гражданско-правовые принципы. Так обстояло дело в самом законе. Еще хуже оказывалось оно на практике».⁶⁷

Соборное уложение 1649 г. освобождало от ответственности жен, детей и других родственников государственного изменника в том случае, если они ничего не знали о подготовке им измены. Однако принцип индивидуальной ответственности за это преступление проводился в данном правовом памятнике не слишком настойчиво. Он не подкреплялся принципом презумпции невиновности. Неосведомленность родственников изменника о его изменнических действиях еще должна была доказываться, причем прямыми доказательствами. Но даже если она доказывалась, вотчины и поместья, которыми прежде семьи изменников владели, все равно у них забирались в государеву казну. Им же оставались только жизнь и некоторое имущество для обеспечения сносного существования. «А будет которая жена про измену мужа своего или дети про измену же отца своего не ведали, — говорилось в ст. 7 Соборного уложения, — и сыщется про то допряма, что они тое измены не ведали, и их за то не казнить, и никакова наказания им не чинить, а на прожиток из вотчин и ис поместей им, что государь пожалует».⁶⁸ У других же родственников изменника (отца с матерью, братьев, дядей и т. д.) в случае, если доказывалась их неосведомленность о подготовке им измены, согласно ст. 10 гл. II Уложения ни вотчин, ни поместий, ни иного какого-либо имущества не отнималось.⁶⁹

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. также предполагал в аналогичных ситуациях знание родственников изменника о подготовке им измены и требовал, чтобы их неведение доказывалось. Но в отличие от Соборного уложения 1649 г. названный Статут предписывал доказывать свое незнание о подготовке измены не всем детям, а только взрослым сыновьям изменника. Супруга же его могла очистить себя от подозрений в том, что она знала о намечавшейся измене, одной присягой. В артикуле 3 разд. I Статута 1588 г. говорилось на сей счет следующее: «А сынове такового зрайцы dorosлые, и которые бы теж за доводом слушным оказались быть ведомыми тое зрады отцовъское, также честь и горло тратити мають.

⁶⁶ «А будет кто кому вотчину продаст или заложит и просрочит, и купчую или закладную кабалу на тое вотчину в книги запишет, и после того изменит, из Московскаго государства отъедет в ыную землю, и тому, кто у него ту вотчину купит, владеть тою вотчиною без выкупа, потому что он у того изменника ту вотчину купил до его измены, а роду того изменника той вотчины на выкуп не отдавать» (Там же. С. 89).

⁶⁷ Тарановский Ф. В. С. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 145–146.

⁶⁸ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. С. 20.

⁶⁹ «А будет про них сыщется допряма, что они про измену того изменника не ведали, и их смертью не казнити, и поместья и вотчины и животов у них не отимать» (Там же).

А тые сынове, которые бы не были летъ зупольных дорослых, або другие, и дорослыми будучы, а тое зрады отцовское не были бы ведоми, таковые чести ани горъла не будутъ тратити, однакъ же и таковые недорослые и дорослые а зрады неведомые сынове за таковой выступъ отца своего от всихъ именей отчизныхъ, выслужонных и которымъ колвекъ обычаемъ набытых вечно отпасти мают. Але вси имен[ь]я зрайцы такого мимо детей и близкихъ на речъ посполитую и на насъ, г[о]с[по]д[а]ра, ку столу нашему великому князству припадати будутъ. А жоны таковых зрадец, которые не будут ли ведали тое зрады мужов своихъ, а с того ся выведуть присегами своими, таковые именей своих отчистыхъ и материстых и вена, передъ учинкомъ тое зрады имъ от мужей их описаного, не тратят». Согласно артикулу 7 разд. 1 Статута присягой могли очиститься от указанных подозрений и те сыновья изменника, которые жили отдельно от него: «А ведь же который бы сынъ был дельный от отца своего и первей тое части своею в деръжанью был, нишли утечетъ отец его, и мешкаль бы на томъ кромъ отца не въ одномъ местцу и не въ одномъ дому, а тое зрады и учинку отца своего не ведалъ и не был бы подозренный и вывелся того присегаю своею, тогды таковые сынове и дочки от почтивости своею, именей отчизных и материстых не отъпадывають». ⁷⁰ Все остальные родственники лица, совершившего государственную измену, не привлекались Статутом Великого княжества Литовского к какой-либо ответственности. Таким образом, Соборное уложение, принятое спустя шестьдесят лет после Статута, относилось к государственной измене более сурово.

Согласно ст. 59 гл. XVI Соборного уложения на основании одного доноса и без судебного разбирательства нельзя было отнять ни вотчины, ни поместья. «А которые челобитчики учнут государю бити челом на кого о вылганных вотчинах или утаенных поместьях, и по их челобитью в таких делах доведется им давать очные ставки», — говорилось в данной статье. Статья 17 гл. XVII регулировала другой подобный случай, когда предпринимается попытка отнять у кого-либо посредством доноса пожалованную ему вотчину. И в этой статье устанавливалось правило, по которому лишить человека имущества можно было только по решению суда и после проведения тщательного судебного расследования обстоятельств дела: «А которым людям вотчины даны по сыску за московское осадное сиденье, а челобитчики учнут на тех людей бити челом, что они в осаде не были, и в осадном списке имян их не написано, и против того челобитья про тех людей, за которыми такие вотчины, сыскивать накрепко, и с теми людьми, кто на них станет бити челом, ставить с очей на очи. Да будет по сыску кто в осаде не сидел, а взял вотчину ложно, и у тех те вотчины отымать и в роздачу роздавать. А за очи и не сыскав допряма, тех вотчин у них не отымать». ⁷¹

Установление судом ложности доноса в приведенных случаях автоматически влекло за собой судебное решение в пользу того, на кого он был сделан. Однако иное последствие наступало в ситуации, когда не находил подтверждения донос о совершении государственной измены. Статья 12 гл. II Соборного уложения предписывала относительно этой ситуации следующее: «А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а

⁷⁰ http://starbel.narod.ru/statut1588_1.htm.

⁷¹ *Соборное уложение 1649 г.* Текст. Комментарии. С. 86.

свидетелей на тот свой навет никого не поставит и ничим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет».⁷² Отсутствие подтверждения доноса о преступлении, направленном против государя и государства, не влекло за собой немедленного оправдания лица, обвиненного этим доносом. Решение дела предоставлялось в данной ситуации на усмотрение государя. Установленный Соборным уложением особый порядок разбирательства дел о государственной измене, очевидно, был призван предотвратить уход обвинявшихся в совершении этого преступления лиц от уголовной ответственности и в тех случаях, когда серьезных доказательств, способных подтвердить обвинение, суд получить не мог. Составители Соборного уложения явно исходили здесь из представления о том, что лучше осудить множество невиновных, нежели дать уйти от наказания хотя бы одному виновному.

Ф. В. Тарановский высказывал мнение о том, что «указ по рассмотрению», предусмотренный ст. 12 гл. II, «отступая от принципа *nulla poena sine lege*, предполагает не назначение наказания, установленного Уложением и налагавшегося “указом по сыску”, а пониженное карательное воздействие на лицо, не столько преступное, сколько подозрительное и неблагонадежное». По его словам, «предположение о том, что “указ по рассмотрению” не был рассчитан на применение полной меры законной кары, подтверждается, по-видимому, соответственными данными практики политических процессов».⁷³ На мой взгляд, даже «не полная мера законной кары» была для дворянина в условиях, когда государь был для него главным источником основных материальных благ, весьма серьезным наказанием. Назначение дворянину даже самой незначительной кары при отсутствии серьезных доказательств совершения им государственного преступления означало, что он лишился доверия к себе со стороны государя, а это не могло не повлечь за собой прекращения пожалований денежных средств или земель.

Появление в Соборном уложении 1649 г. беспрецедентно жестоких мер наказания за государственную измену и распространение их на всех родственников изменника явно свидетельствует о том, что данное преступление считалось в русском обществе деянием предельно опасным — таким, которое несет в себе серьезную угрозу устоям Русского государства. Назначая за это преступление жестокие наказания не только тем, кто его совершал, но и их родителям, детям и другим родственникам, создатели Уложения были уверены, что данные установления найдут полную поддержку в обществе. И они имели все основания для такой уверенности.

На правосознание русского общества XVII в. огромное влияние оказали катастрофические для Русского государства события Смутного времени.⁷⁴ Большое участие иностранцев (главным образом поляков) в бедствиях, выпавших на долю России во время Смуты начала XVII столетия, не помешало русским людям увидеть, что главным врагом Русского государства, сокрушившим его, были... *сами русские*. Иностранцы же лишь

⁷² Там же. С. 20.

⁷³ Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. С. 168.

⁷⁴ См. подробнее об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X—XVIII века. М., 2003. С. 135—145.

воспользовались Смутой для достижения своих корыстных целей. Одно из самых ранних свидетельств такого понимания причин Смуты представляет собой «Новая повесть о преславномъ Росийскомъ царстве и великомъ государстве Московском...», написанная в феврале — начале марта 1611 г. «Скажу вамъ истинну, а не лжу, — писал ее автор, оставшийся неизвестным, — что однолично сопостаты наши, которыя у нас, ныне с нашими изменники-единоверники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители веры християнския, с первенцы сатанины, со иудиными предателя Христова братиею, с начальники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злымъ деломъ прямым своимъ званиемъ именоватися (рещи достоинъ ихъ — душапагубныя волки), хотят насъ конечно погубити, и под меч подклонити»⁷⁵ (курсив мой. — В. Т.). В другом месте своей повести ее безымянный автор называл, кого он имел в виду под «нашими изменниками-единоверцами». Это были в первую очередь *русские* бояре-землевладельцы. «А сами наши земледержцы (якоже и преже рехъ, землесьеды), те и давно от него (от Бога. — В. Т.) отстали, и умъ свой на последнее безумие отдали, и к нимъ же, ко врагомъ, пристали, и ко инымъ к подножию своему припали, и государское свое приращение пременяли в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются неведомо кому, — сами ведаете, — и смотрят, из рукъ и ис скверныхъ усть его, что имъ дать и укажетъ, яко нищии, у богатого проклятого... И тако те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что нас всехъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупе, и хотятъ насъ всехъ погубити, и веру християнскую искоренити»⁷⁶.

Как известно, Россию спасла от окончательного краха в начале XVII в. русская провинция. Для русских людей того времени такой выход из Смуты был вполне закономерным. В их представлении спасение России не могло прийти из столицы. «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина», созданное в середине XVII в., за несколько месяцев до освобождения столицы провинциальным ратным ополчением, показывает, что Москва считалась тогда *скопищем предателей*. Весной 1610 г. войска, предводимые племянником тогдашнего царя Василия Шуйского князем М. В. Скопиным-Шуйским, разгромили польскую армию, осаждавшую Москву. Князь с почестями был принят в столице. Царь не имел детей, и талантливый полководец Скопин-Шуйский всерьез рассматривался многими в качестве наиболее вероятного наследника царского престола. Однако в апреле 1610 г., после посещения одного из московских пиров, князь заболел и спустя некоторое время умер. Было ему в то время всего 23 года. В русском обществе распространилось мнение о его отравлении на пиру. В вышеназванном произведении рассказывалось, как мать Михаила Скопина-Шуйского умоляла своего сына не ездить в Москву. «И колько я тебе, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не ездѣ во градъ Москву, что лихи в Москвѣ звери лютые, а пышатъ ядомъ зминымъ, изменничымъ»⁷⁷ (курсив мой. — В. Т.).

⁷⁵ Новая повесть о преславном Росийском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI — начало XVII века. СПб., 2006. С. 162.

⁷⁶ Там же. С. 170.

⁷⁷ Там же. С. 136.

Смута начала XVII в. стала первым тревожным сигналом, возвестившим русскому обществу, что *государственная измена является в условиях России не просто преступлением, но действием, способным вызвать крушение Русского государства* и тем самым навлечь на русских людей череду невыносимых бедствий.⁷⁸ Наказания, которые Соборное уложение назначало за государственную измену, свидетельствуют, что данный сигнал был русскими людьми услышан. *Эти наказания могли показаться излишне жестокими только тем, кто забыл уроки великой Смуты начала XVII в.*

При оценке норм Соборного уложения, устанавливавших суровые наказания за государственную измену, необходимо иметь в виду, что назначались они, во-первых, судом и, во-вторых, не произвольно, а по результатам следственного процесса, в ходе которого допускалась, пусть и в малой степени, состязательность сторон (например в рамках очной ставки). Для назначения наказания лицу, обвиненному в государственной измене, было недостаточно чьего-либо доноса. Статья 16 гл. II Уложения предписывала: «А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет, сыскати и поставить с ызветчиком с очей на очи, и против извету про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего».⁷⁹

Текст Соборного уложения 1649 г. был составлен из 967 статей, сгруппированных в двадцати пяти главах. Главы с I по IX объединили правовые нормы, предназначенные для того, чтобы защищать интересы церкви и государства. На это указывают уже сами названия данных глав: гл. I «О богохулниках и о церковных мятежниках», гл. II «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», гл. III «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было», гл. IV «О подпизикех и которые печати подделывают», гл. V «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги», гл. VI «О проезжих грамотах в ыные государьства», гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государьства», гл. VIII «О искуплении пленных», гл. IX «О мытах, и о перевозех, и о мостах».

В гл. X–XX вошли по преимуществу нормы гражданского права и правила, по которым вершился суд по гражданским и уголовным делам, а также «суд о крестьянах» и «суд о холопах». Из этих глав самой большой стала гл. X, получившая название «О суде». В нее вошло 287 статей. За этой главой была помещена глава «Суд о крестьянах», затем — составленная всего из трех статей гл. XII «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян». Далее следовали: гл. XIII «О Монастырском приказе», гл. XIV «О крестном целовании», гл. XV «О вершенных делах», гл. XVI «О поместных землях», гл. XVII «О вотчинах», гл. XVIII «О печатных пошлинах», гл. XIX «О посадских людех», гл. XX «Суд о холопах».

⁷⁸ Катастрофические последствия государственной измены для Русского государства в наибольшей степени проявились спустя три столетия после описанных событий. Преступная и бездумная попытка государственного переворота, которую предприняли в феврале 1917 г., в разгар мировой войны, лица, занимавшие высшие руководящие посты в Русской армии (М. В. Алексеев, Н. В. Ружский, А. С. Лукомский, А. И. Деникин и др.) и в Государственной думе (М. В. Родзянко, П. Н. Миллюков и др.) привела к распаду традиционной русской государственности, к разрушению одного из величайших в мировой истории государств — Российской империи.

⁷⁹ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 21.

В гл. XXI, XXII и XXV были изложены преимущественно нормы уголовного права. Уголовно-правовой характер этих глав отчетливо отразился в их названиях: гл. XXI «О разбойных и о татинных делах»; гл. XXII «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье»; гл. XXV «Указ о корчмах» (в ней говорилось о преступлениях, связанных с содержанием корчмы, продажей вина, торговлей табаком).

Глава XXIII «О стрельцах», состоявшая из трех статей, была посвящена некоторым вопросам судопроизводства по делам стрельцов. В гл. XXIV был изложен «Указ о атаманех и о казаках», который включал в себя всего две статьи.

Характеризуя описанный порядок расположения материала в Соборном уложении, С. В. Пахман отмечал: «Таким образом, с одной стороны, Уложение обнимает собой почти все части законодательства, а, с другой стороны, в Уложении как будто видна последовательность, система. Но при ближайшем рассмотрении эта последовательность оказывается мнимой. Кажется, система Уложения определялась особым началом: большей или меньшей важностью тех приказов, из которых заимствовано содержание Уложения. Таким образом, статьи из более важного приказа ставятся сначала, так что даже большая часть глав размещена по различию приказов». ⁸⁰ В доказательство данного мнения Пахман привел тот факт, что в Уложении после первых трех глав, которые, как он считал, были «заимствованы частью из Литовского статута, частью из законов греческих императоров (Византии. — В. Т.) и частью из туземных постановлений», следуют гл. IV–V, статьи которых заимствованы из записных книг Тайного приказа. «Далее идут статьи, заимствованные из Посольского приказа (гл. 6). Главы 7-я, а, может быть, также 8-я и 9-я, заимствованы из Разряда, который был потом назван Приказом военных дел. Глава 10-я взята из Судных приказов, которых было два в Москве: Владимирский и Московский. Глава 11-я, суд о крестьянах, из Приказа Поместного, глава 12-я из Патриаршего приказа, глава 13-я из Монастырского приказа, 14-я и 15-я из Судного приказа и т. д.» ⁸¹

Анализ содержания Соборного уложения показывает, что и расположение правового материала внутри больших по объему, состоявших из десятков статей, глав, было подчинено определенной логике: во всяком случае, это расположение нельзя назвать всецело хаотичным. Логика эту, правда, нелегко обнаружить.

В качестве примера здесь можно привести гл. X рассматриваемого правового памятника, посвященную судопроизводству. Она составляет по количеству статей и объему материала почти 30 % всего Уложения (287 статей из 967). Если смотреть на содержание гл. X с точки зрения системы расположения правового материала, применяемой в том или ином современном кодексе, то нельзя не прийти к выводу о том, что ее нормы изложены в случайном порядке и не соединены друг с другом какой-либо логической

⁸⁰ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 213. — Мнение о том, что в Соборном уложении «порядок глав определялся старшинством приказов, из записных книг которых они выбраны», высказывал в свое время и К. Д. Кавелин (*Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. М., 1897. Стб. 891*).

⁸¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. С. 213.

связью.⁸² Однако логика построения содержания гл. X анализируемого правового памятника вполне обнаруживается в том случае, если взглянуть на него с позиций юридического мышления, присущего для русских законоискусников середины XVII в. Ф. В. Тарановский отмечал в статье «Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича»: «Преобладающий процессуальный характер памятников древнего права породил своеобразный характер старой юридической систематики. Отправной точкой для последней служило понятие судебного действия, последовательное движение которого определило собою порядок распределения правоположений как формального, так и материального характера, обычно привлекавшихся в различные моменты судебной драмы. Старая юридическая систематика покоилась на драматическом принципе и следовала хронологическому порядку раскрытия действия».⁸³ Отмеченная закономерность явно проявилась в порядке расположения правовых норм гл. X Соборного уложения. По словам Г. С. Фельдштейна, составители данной главы «при расположении материала руководствовались исключительно представлением о движении спора, предвидя по возможности все допустимые случайности».⁸⁴ В. И. Сергеевич считал такую систему изложения норм традиционной для юридических сборников Московского государства. По его мнению, последовательность статей гл. X Соборного уложения сходна с порядком расположения статей судебныхников 1497 и 1550 гг. «Подобно судебникам, — отмечал правовед, — она начинается с перечисления лиц, которым принадлежит суд, затем идут статьи о порядке суда, о вызове, о явке на суд и т. п. процессуальные постановления. Потом следуют статьи о преступлениях, а в конце находим постановления, касающиеся гражданского права».⁸⁵

Соборное уложение 1649 г. стало новым этапом не только в совершенствовании характерных для законоискусников Московского государства способов упорядочения правового материала, но и в развитии языка и юридической терминологии.⁸⁶ Текст данного правового памятника был написан преимущественно русским деловым языком, сформировавшимся в городах Московии в течение XV–XVI вв.⁸⁷ Исключение составили заключительные строки ст. 1 гл. VIII и ст. 10 гл. XIV Уложения, изложенные на церковно-славянском языке. В первой из названных статей идет речь

⁸² К такому выводу пришли, в частности, при рассмотрении гл. X Соборного уложения правоведы В. А. Строев и В. Н. Латкин: *Строев В.* Историко-юридическое исследование уложения, изданного Царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 43; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1899. С. 131.

⁸³ *Тарановский Ф. В.* История русского права. С. 115–116.

⁸⁴ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 29.

⁸⁵ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 607–608.

⁸⁶ По словам исследователя языка Соборного уложения 1649 г. филолога П. Я. Черных, язык этот «в общем является значительным шагом вперед в развитии национального русского языка» (*Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 141).

⁸⁷ По словам П. Я. Черных, «Уложенная книга — произведение сугубо светского характера, написанное на языке, очень близком к разговорной (филологической) речи городского населения Москвы, ориентированное на массового читателя и слушателя...» (Там же. С. 75).

о сборе денег на выкуп пленных. При изложении данной статьи составители ее плавно перешли с русского делового языка на церковно-славянский. Так, ими было написано на русском деловом языке: «А збирать те денги погодно в Посольской приказ по новым переписным книгам, а не по сошному писму» и продолжено уже на церковно-славянском: «чтобы в том денежном зборе никто в ызбылых не был, занеже таковое искупление обща милостыня нарицается, и благочестивому царю и всем православным христианом за то великая мзда от бога будет, якоже рече праведный Енох: Не пошадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да от бога сторицею примите. И пророком рече бог: Не пошадите сребра человека ради. Христос же не токмо сребра, но и душу свою повелевает по братии положить. Больше бо тоя, рече, любве никто же не имать, аще кто душу свою положит по братии своей. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленных окупати, но и душу свою за них пологати достойно, да сторичныя мзды во он день сподобятся».⁸⁸

Статья 10 гл. XIV Соборного уложения была целиком написана на церковно-славянском языке. В ней излагались святоотеческие правила и церковное наставление о крестном целовании, которое применялось в судебном процессе в качестве средства доказывания какого-либо факта в случаях, когда отсутствовали другие доказательства его.

Приведенные примеры показывают, что составители Соборного уложения использовали церковно-славянский язык лишь при выражении христианских заповедей и норм церковного права. Не случайно на поле свитка с текстом данного правового памятника против ст. 10 гл. XIV стоит помета, свидетельствующая о заимствовании ее текста из Стоглава.⁸⁹ С другой стороны, если из сборников церковного права в текст Соборного уложения включались нормы мирского содержания, то они переводились с церковно-славянского на русский деловой язык. В результате получалось, что одна и та же норма излагалась в Кормчей книге и в Уложении на двух разных языках.

Так, норма, устанавливавшая наказание за кражу ружья и коня, имела следующий вид:

Кормчая книга (вариант 1653 г.)

Глава 49, грань 39, статья 53

«Иже во станохъ и в полкахъ на войнехъ крадушїи, или убо оружїа украдетъ, сурово повелеваемъ бити его. Аще же подъяремника, рекше коня, или м'ща, или осля, таковымъ руже усечене бывають».⁹⁰

Соборное уложение 1649 г.

Глава VII, статьи 28–29

«А будетъ кто, будучи на службе в полках, у кого украдет ружье, и того бити кнутом нещадно, а что украл, и то на нем доправить и отдать тому, у кого он украл. А будетъ кто на службе у кого украдет лошадь, и ему за то татьбу руку отсечь».⁹¹

⁸⁸ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 28.

⁸⁹ Там же. С. 250.

⁹⁰ Цит. по: *Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.).* М., 2002. С. 474.

⁹¹ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 27.

Норма, освобождавшая от ответственности в случаях, когда у кого-либо случайно загорался дом, и огонь от него сжигал дома других людей, также по-разному излагалась в Кормчей книге и Соборном уложении.

Кормчая книга

Глава 50, грань 16, статья 29

«Аще от приключенія зажъжеться домъ некоего., и изкочит огонь и пожъжет некия от подлежащихъ хранинь, бес печали да будет, яко невольну зажъженію таковому бывшу».⁹²

Соборное уложение

Глава X, статья 226

«А будет у кого загорится двор ненарошным делом, и от того и иных людей дворы погорят, и на том, чей двор наперед // загорится, никому ничего не правити потому, что дому его запаление учинилося не по его умышлению».⁹³

Соборное уложение отличалось более развитой по сравнению с судебниками юридической терминологией. Для выражения юридических понятий здесь использовались в основном термины, возникшие в русском языке в предшествовавшие исторические эпохи, причем применялись они, как правило, в тех же значениях, что и ранее.

Так, термин «суд» использовался для обозначения судебной тяжбы, процедуры рассмотрения дела, судебного заседания, приговора, постановления, приговора, кары, наказания и др.⁹⁴ В Соборном уложении этот термин применялся в различных значениях во множестве статей (см. ст. 4 гл. IV, ст. 7 гл. VII, ст. 3, 12, 13 гл. IX, ст. 1, 3, 4, 10–12, 18–23, 25, 29–31, 81, 85, 90–94 и многие другие гл. X, ст. 2, 3, 5–8 и другие гл. XI и т. д.).

Многочисленными были и многие другие юридические термины, употреблявшиеся в Соборном уложении. Однако некоторые из стародавних юридических терминов приобрели в тексте Соборного уложения более определенное, чем они имели прежде, значение. Так, в русских письменных памятниках начиная с XII в. использовалось слово «извет». При этом значения его могли быть самыми различными. Например, «изветом» назывались отговорка или предлог, извинение причина, наговор, обман.⁹⁵ В Соборном уложении термин «извет» выступает только для обозначения доноса о преступлении. Это видно из содержания ст. 1 гл. II, которая гласит: «Будет кто каким умышленьем учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому *извету* про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию»⁹⁶ (курсив мой. — В. Т.).

Изменения претерпел к началу XVII в. и термин «челобитие». До этого времени данный термин употреблялся для обозначения *устного* обращения к носителям власти с просьбой рассмотреть то или иное дело и вынести

⁹² Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). С. 474.

⁹³ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. С. 57.

⁹⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. СПб., 1893. Стб. 603–607.

⁹⁵ Там же. Т. 1. А–К. СПб., 1893. Стб. 1047–1048.

⁹⁶ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. С. 20.

свое решение. Само происхождение его от словосочетания «бить челом», т. е. ударять о землю лбом, показывает, что здесь не имелась в виду подача *письменной* жалобы. В документах XVII в., в частности в Соборном уложении 1649 г., термин «челобитие» обозначал чаще всего обращение именно с письменной жалобой, которая вследствие этого получила наименование «челобитной». В качестве иллюстрации применения термина «челобитная» можно привести ст. 21 гл. X Уложения: «А которые люди после суда учнут приносить к судным делам подьписные и неподьписные челобитные, а в тех челобитных напишут прибылые статьи для пополики судного дела, чем бы им быть правым, а в суде у них тех статей не было, и у них таких подьписных и неподьписных челобитен к судным делам не принимать, а вершить те дела по тому, как будет в суде записано».⁹⁷

О том, что словом «челобитная» в Соборном уложении обозначался документ, выражавший искомое требование, свидетельствует и словосочетание «исковая челобитная», которое употреблялось в целом ряде статей данного правового памятника. Так, об «исковой челобитной» идет речь в ст. 101, 102, 104 гл. X.⁹⁸

Содержание Соборного уложения 1649 г. носило преимущественно казуистический характер. Такая форма регламентации общественных отношений не всегда бывает следствием недоразвитости правового мышления. Она может являться всего лишь результатом постепенного формирования правовых институтов из судебной практики. Но во всех случаях казуистичность того или иного права препятствует появлению в его знаковой системе терминов, обозначающих абстрактные понятия, такие как, например, право собственности вообще, преступление или наказание. Казуистичность норм Соборного уложения предопределила предельно конкретный характер их терминологии. Тем не менее при анализе текста данного правового памятника нетрудно заметить юридические термины, которые, хотя их и невозможно еще отнести к абстрактным, всецело обобщенным, приближаются к ним по своему характеру.

К их числу относятся, например, слова «вор», «воровство», «воровский». В ряде статей Соборного уложения названные термины употребляются в значении, близком к значению терминов «преступник», «преступление» и «преступный». Так, в ст. 8 гл. XXI говорится: «А которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей, и на их дворовых людей, и на крестьян, которые их в губу приведут, говорить розбой, или татьбу, или иное какое *воровство*, и тому не верить для того, чтобы всяким людям безстрашно было *воров* имая в губу приводить»⁹⁹ (курсив мой. — В. Т.). Очевидно, что термин «воровство» в приведенной статье употреблен в значении «преступление», поскольку здесь предполагается, что и «розбой», и «татьба», и другое какое-либо преступное деяние являются «воровством». Слово же «вор» в данном случае явно применено для обозначения людей, совершивших указанные преступления.

⁹⁷ Там же. С. 33.

⁹⁸ В ст. 101 гл. X, в частности, говорится: «А будет ответчик по приставной памяти, дав по себе поруку, став к суду и на суде выслушав исковы исковые челобитной, не отвечает, а в челобитной иск написан будет с ценою, и того ответчика без суда обвинить, и исцов иск велеть на нем доправя отдати исцу».

⁹⁹ *Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* С. 118.

EX LIBRIS

Термин «воровство» использовался составителями Соборного уложения также для обозначения подстрекательства к бунту. Об этом свидетельствует ст. 13 гл. XXII: «А которые *воры* чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких *воров* за такое их *воровство* казнить смертию»¹⁰⁰ (курсив мой. — В. Т.).

Другой любопытный случай употребления термина «воровство», а с ним и «воровский», представляет ст. 2 гл. IV: «А будет кто *воровством* же учнет отимати государевы печати от государевых грамот или от иных каких приказных писем, и те государевы печати учнет к иным каким *воровским* писмам прикладывати, или будет кто учнет какия писма *воровством* же наряжати, и приказныя писма переправливати мимо государева указа, и того казнить смертию же, а писмам его нарядным ни в чем не верити»¹⁰¹ (курсив мой. — В. Т.). В данной статье термины «воровство» и «воровский» явно применяются в значении «преступление» и «преступный».

Впоследствии термины «воровство» и «вор» станут употребляться в более узких значениях — их будут применять для обозначения лишь одного конкретного преступления, а именно кражи и соответственно лица, кражу совершившего. Но произойдет это на новом этапе развития русской юриспруденции, когда в рамках русской юридической терминологии сформируется целый ряд специальных терминов для обозначения юридических понятий абстрактного характера.

¹⁰⁰ Там же. С. 130.

¹⁰¹ Там же. С. 22–23.

